В. Б. Виноградов, Б. Б.-А. Абдулвахабова, Д. Ю. Чахкиев

«СОЛНЕЧНЫЙ ГРЕБЕНЬ» ИНГУШСКИХ ЖЕНЩИН
(о парадном головном уборе кур-харс)

Тревожные вести, доходившие до Москвы, подтвердились: очередное русское посольство (1638 г.) не могло попасть в Грузию по давно освоенной дороге через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал. Долго назревавшая междоусобица между кахетинским царем Теймуразом и феодальным домом эриставов Арагвских вылилась в открытый конфликт, и привычный путь оказался перекрытым войсками мятежного вассала. Послы московского царя попали в трудное положение, недоумевая: то ли возвращаться ни с чем, то ли искать обходной путь.

Ситуация разрядилась после появления в посольском лагере, расположившемся в северном устье Дарьяла, некоего «черкашенина Хавсы — земли своей владельца» — предводителя одного из горных ингушских обществ, приехавшего с группой горцев, дружественных Руси. Они провели посольский кортеж для встречи с посланцами Теймураза новой, до того известной в Москве лишь по слухам дорогой через горную Ингушетию [1].

Пристально вглядывались послы в облик доселе неизвестного им края, заносили в свои записи сведения о его достопримечательностях. Была отмечена и такая подробность: «А ходят мужики по-черкаски, а жонки носят на головах что роги вверх в пол-аршина...» [2].

Спустя 170 лет, российский академик Ю. Клапрот, путешествуя по Кавказу, оставил более подробное описание диковинного головного убора ингушек: «Женщины... носят возвышение на темени, которое похоже на рог серны, но изгиб которого направлен вперед. Этот рог обычно делают из бересты; он пустой изнутри, обернут платком или шелковой материей и имеет 2 дюйма ширины, около 7 дюймов высоты: загнутый конец повернут по направлению ко лбу. Основание образует небольшой венок, шириною в несколько пальцев, который приложен к темени и украшен кораллами. Этот убор называется чугул. Девушки же носят шапки черкесов» [3].

Других свидетельств очевидцев нет: в этнографической литературе последующих десятилетий XIX в. упоминания о своеобразных женских колпаках у ингушей не встречаются. Зато много их было найдено в ходе археологических расчисток погребальных ингушских наземных склепов, которые активно использовались для захоронений с XV до на-

---

[1] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М.: Наука, 1974, с. 146—149; *ее же.* Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник.— В кн.: Кавказский этнографический сборник. VI. М.: Наука, 1976, с. 258—262; *Магомадова Т. С.* Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI—XVII вв.— В кн.: Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1981, с. 30—31.

[2] *Полиевктов М.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.). Тбилиси, 1937, с. 251.

[3] Цит. по: Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XVIII вв.)/Сост. Калоев Б. А. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967, с. 161—162.

Рис. 1. Кур-харс из наземного склепа у с. Фалхан (по Е. И. Крупнову)

чала XIX в. Первым подробно описал и попытался исследовать этот тип головного убора Л. П. Семенов, проводивший широкие этнографо-археологические разыскания в горной Ингушетии в 20—30-х годах нашего столетия. В его беседах со старожилами всплыло почти забытое традиционное местное название колпаков — *кур-харс*, которое прочно вошло в специальную литературу. Л. П. Семенов писал: «Нередко встречается особого рода головной убор — подобие изогнутого рога, суживающегося спереди,— обтянутый красной тканью со свешивающейся сзади короткой тыльной частью какого-либо другого цвета (синего, золотистого и др.). Этот убор внутри полый. Во многих случаях спереди нижней части бывает охвачен перевязью, поверх которой прикреплялась выпуклая серебряная бляха. Верхняя часть кур-харса, спускающаяся вниз, иногда раздваивалась, образуя в конце как бы два рога, которые в самом низу немного расширялись. В нижней части убора прикреплялся кусок ткани, который, по-видимому, прикрывал затылок. Сзади и с боков этой ткани прикреплялись широкие ленты. Серебряная бляха на лобной части была совершенно гладкая, реже имела фигурную форму»[4]. Л. П. Семенову показалось, что кур-харсы при погребении не надевались на головы умерших, а подкладывались под них[5].

Впоследствии такие головные уборы часто упоминались в работах по средневековой материальной культуре ингушей; рисунки их публи-

[4] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1961, с. 17—18.

[5] *Семенов Л. П.* Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал.— В кн.: Изв. Чеч.-Инг. НИИ истории, языка и лит-ры. Вып. 1. Т. 2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1960, с. 53.

Рис. 2. Типы кур-харсов: *1* — первый, *2* — второй, *3* — третий

ковались, а образцы экспонировались в краеведческих музеях Грозного и Орджоникидзе.

События Великой Отечественной войны прервали процесс изучения, привели к гибели или потере большей части накопленной коллекции кур-харсов. Интерес к ним вновь оживился после выхода книги Е. И. Крупнова (рис. 1) [6]. Однако, к сожалению, в ходе археологических работ 50—60-х годов оригинальные головные уборы (как и весь сохранившийся в склепах комплекс одежды) не фиксировались должным образом, за редчайшим исключением, не «выбирались» из гробниц [7]. Положение изменилось в последние годы. Одной из важных задач Предгорно-плоскостной археологической экспедиции (начальник — В. Б. Виноградов) стало изучение одежды [8]. В целом ряде некрополей в верховьях р. Ассы, в долине р. Армхи и ее притоков, в труднодоступном ингушском обществе Цори, уже известном в средневековье, была собрана достаточно представительная коллекция кур-харсов, насчитывающая ныне уже свыше 40 образцов, пригодных для детального изучения (к исследованию была привлечена О. Г. Гордеева — научный сотрудник отдела тканей Государственного Исторического музея Москвы).

Однако специальных работ об этом интересном, во многом загадочном, узколокальном (известном только в горной Ингушетии) виде головного убора еще нет. Между тем при знакомстве с ним возникает много вопросов. Первое впечатление об однотипности кур-харсов не подтверждается сохранившимися полностью образцами. По форме, отчасти по характеру основы, а также тканей, применявшихся для оформления, намечается несколько типов этого головного убора (порой с дополнительной дробной градацией внутри них; рис. 2).

Следует оговориться, что различия в информации о размере кур-харсов в источнике 1638 г. и у Ю. Клапрота (1808 г.) мнимы, так как в одном случае подразумевается высота всего головного убора («в поларшина»), а в другом — только его роговидного завершения (навершия, собственно чугула) из берестяной и, реже, кожаной основы («около 7 дюймов»). В действительности высота кур-харсов колеблется в пределах 26—44 см.

Первый тип (24 экз.) имеет чаще всего кожаную, реже войлочную основу, покрытую обычно крашениной, сукном. Варьируется верхняя часть, которая представлена длинновытянутыми, короткозакругленными, вертикально обрезанными и треугольными (клювовидными) чугулами (рис. 2, *1*; рис. 3; рис. 4; рис. 5).

---

[6] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971.

[7] *Виноградов В. Б.* Первоочередная задача в изучении портняжного промысла у позднесредневековых вайнахов (по материалам раскопок).— В кн.: Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1983, с. 62—68 (там же библиография вопроса).

[8] См., например: *Виноградов В. Б.* Работы в горной Ингушетии.— В кн.: Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980, с. 100—101; *Чахкиев Д. Ю.* Исследования в горной Ингушетии.— В кн.: Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981, с. 119—120; и др.

Второй тип известен пока всего в 2 экз. Технологически они оформлены так же (войлочная основа с суконным покрытием), но имеют вид длинного, плавно сужающегося к концу, островерхого колпака, наклоненного вперед (рис. 2, *2*)[9].

Третий тип (7 экз.) — кур-харсы, войлочные в основе и отделанные богатыми тканями (шелк, атлас, парча), колпаковидные широких плавных очертаний вверху (рис. 2, *3*; рис. 6; рис. 7).

Рис. 3. Женский головной убор из склепа № 1 у с. Пялинг

Данная классификация, основанная на имеющихся материалах, вряд ли полна. Так, неизвестно ни одного кур-харса, который бы завершался вверху «двумя рогами», как следует из сообщений Л. П. Семенова[10]. Языковед И. Ю. Алироев приводит устные сведения своих собеседников преклонного возраста о бытовании некогда у ингушей «шелковых дорогих шапок с двумя чугулами вверху»[11]. Впрочем, это может быть и недоразумением, потому что некоторые экземпляры первого типа имеют широкий цилиндрический чугул, так плотно прошитый вдоль посередине, что складывается впечатление о двух прижатых друг к другу, свисающих вперед чугулах с расширяющимися концами.

К сожалению, около полутора десятков кур-харсов дошло до нас в виде фрагментов, что исключает возможность должной детализации их формы.

Специфика археологических памятников Северного Кавказа не дает возможности проследить процесс становления и развития оригинальной формы головного убора ингушских женщин. Правда, известны результаты попыток реконструкции М. М. Герасимовым женских головных уборов из погребений II—I тысячелетий до н. э. (могильники: Харачоевский в Чечне, Нестеровский в Ингушетии)[12]. Отдаленное сходство между ними и кур-харсами как будто бы есть. Оно более всего определяется

---

[9] *Виноградов В. Б.* Погребение знахарки-чародейки в позднесредневековом ингушском склепе.— В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1981, с. 61—65.

[10] *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре.— В кн.: Изв. Чеч.-Инг. НИИ истории, языка и лит-ры. Вып. 1. Т. 1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1959, с. 213.

[11] *Алироев И. Ю.* Название одежды в нахских языках.— В кн.: Вопросы филологии. Вып. 33, № 16. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1970, с. 80.

[12] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 424, табл. 2, 3.

Рис. 4. Кур-харс из склепа № 1 в с. Цори

тем, что у древних головных уборов имеются, хотя и разнотипные, полые свисающие вперед верхние части. И все же говорить об их прямой генетической связи с кур-харсами едва ли возможно, и не только потому, что нет убедительного и строгого эволюционного ряда между хронологически удаленными формами. Настораживает и территориальное несоответствие «прототипов» и кур-харсов: первые как будто бы охватывают всю территорию Чечено-Ингушетии, тогда как вторые четко связываются лишь с горной Ингушетией.

Сходные соображения не позволяют принять прямую связь кур-харсов и с чухтой — головным убором женщин в Дагестане[13], хотя в обоих случаях волосы убирают под головной убор — колпак, нередко с треугольным роговидным навершием.

Вопрос о местных, горских истоках кур-харсов остается открытым. Для решения его прежде всего следует, на наш взгляд, обратиться к хозяйственной жизни и экологической среде средневековых ингушей.

Область их обитания — высокие горы. Так как горцы не имели возможности широко развивать земледелие, основными их занятиями традиционно оставались охота и скотоводство[14]. В суровых условиях высокогорья именно они предоставляли жизненно необходимые продукты: пищу, одежду, сырье для домашних промыслов и т. п. Натуральные подати соседним (в частности, кабардинским) феодалам — ясак — ингуши выплачивали овцами и баранами, а также охотничьей добычей (шкурами). Скот выступал в роли эквивалента стоимости при обмене товаров, как оплата за труд. Количество его свидетельствовало о богатстве семьи, фамилии, тайпы[15].

В связи с этим знаменательно, что чугул абсолютного большинства кур-харсов, особенно первого типа, имеет форму рога (или рогов). Характерный изгиб вперед побуждает вспомнить о форме рогов тех домашних козлов, которые выступали в роли «проводников» (предводителей) отар. Однако не менее вероятно и другое: кур-харсы символизировали рога крупных диких (зубров?) или домашних животных. В любом случае едва ли возможно отрицать стремление выразить в виде рога важную сторону жизнедеятельности, придав сходство с ним изящному головному убору женщин.

Впрочем, нельзя исключать и мысль о внешнем влиянии на выработку формы кур-харса. В средние века внешние импульсы могли переосмысливаться ингушами на свой лад. Л. П. Семенов пытался сопоставлять кур-харсы с фригийским колпаком античной эпохи[16]. Считаем, что аналогия эта поверхностна и формальна. Даже морфологического сходства тут немного. В отличие от красного фригийского колпака ингушские кур-харсы бывают не только с красным (или близким ему по цве-

---

[13] *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана (XIX—начало XX в.). М.: Наука, 1981, с. 93—102.

[14] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967, с. 51; *Виноградов В. Б.* Генезис феодализма на Центральном Кавказе.— Вопросы истории, 1979, № 1, с. 35—50.

[15] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 122—128, 169.

[16] *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы..., с. 210—215.

товой гамме), но и желтым, охристым, золотистым и иным верхом. Кроме того, хронологический разрыв между античной эпохой и XV—XVIII вв., а также территориальное удаление горных ингушских обществ от ареала бытования фригийской шапки в недавние века слишком велики. Неясны и возможные причины, пути заимствования.

Едва ли правомерно считать решающим и заметное сходство кур-харса со скифо-сакским колпаком[17]. Слишком велик временной диапазон между этими типами головных уборов. К тому же колпак у скифов и их ираноязычных сородичей — номадов — принадлежность мужского костюма.

Рис. 5. Кур-харс из наземного склепа № 1 у с. Пялинг

Можно с большой осторожностью поставить вопрос о возможном сходстве и связи кур-харсов и южно-русских кичек[18]. Кичка (волосник) закрывала волосы и имела впереди твердую часть (вставлялась береста, дощечка), нередко простеганную. Известны кички различной формы: в виде рогов, лопатки, копытца и т. д. Русская кичка упоминается в документе 1328 г.[19], но сложился этот тип головного убора, несомненно, раньше. Не исключено, что славянская мода в какой-либо степени могла повлиять на формирование оригинального типа женского головного убора у предков ингушей, вступавших во взаимные контакты с Древней Русью до эпохи Золотой Орды. Интересно, что нечто подобное прослежено уже при исторической интерпретации ингушских многолопастных височных подвесок позднего средневековья, в которых усматриваются «местные традиции, испытавшие некоторое влияние русского декоративного искусства XI—XIV вв.»[20]. Аналогичные явления усматриваются и при анализе местных видов вооружения (шлемы, топоры, булавы, шестоперы и т. д.)[21].

Узоры на лентах, украшавших кур-харсы, выполнялись часто золотным шитьем. Для этого использовали различные технические приемы и материалы (волочение нити, прядение нити в виде полоски драгоценного металла — бить и в виде спирали — канитель). Шов выполняли в прикреп (металлическая нить накладывалась на ткань и прикреплялась к ней мелкими стежками тонкой шелковой или льняной нитью). Шитье дополнялось бусинками, раковинами. Все это в той или иной степени характерно для широкого ареала бытования средневекового золотного шитья, причем не только у русских и вайнахов, но и у других народов: тюрков, монголов, адыгов, осетин и др.

Золотное шитье могло проникнуть к предкам ингушей разными путями: по крупному торговому пути, который проходил от Таманского

---

[17] *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. Киев: Наук. думка, 1983.

[18] Русская народная одежда в рисунках В. И. Гордеевой. Альбом. М.: Искусство, 1974, с. 3.

[19] БСЭ. Т. 12. М.: Сов. энциклопедия, 1973, с. 251.

[20] *Даутова Р. А.* О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XVIII веков горной Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. ун-та, 1979, с. 159.

[21] См., например: *Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю.* Шлем из селения Ярышмарды.— Сов. археология, 1982, № 2, с. 250—254; *их же.* О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни.— В кн.: Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии, с. 68—78; и др.

Рис. 6. Фрагмент женского головного убора из с. Пялинг

полуострова к Дербенту, или через Дарьяльский проход — важнейшую военно-торговую артерию, вдоль которой и обитали предки ингушей[22]. Оно могло быть заимствовано от кочевников степной зоны или от русских переселенцев на Северный Кавказ[23], где присутствие сперва временных, а затем и постоянных групп русских в среде вайнахов устанавливается еще в XIII—XIV вв.[24]

Орнаментика кур-харсов представляет особый интерес, но пока не привлекала внимания специалистов. Наша коллекция дает право утверждать, что преимущественным мотивом внешнего декора этих головных уборов являются растительные орнаменты. Видимо, здесь проявляется синкретизм представлений горцев о культах плодородия, жизнеобеспечения. Ведь форма кур-харса навеяна видом рогов; цвета и круглая бляха на лицевой части кур-харса символизируют солнце и его свет как главный источник жизни, а растительные узоры — окружающую природу (пашни, сенокосы, леса, луга и т. д.). Не случайно общевайнахская богиня плодородия Тушоли по своему характеру полифункциональна: она покровительница плодородия и земли, и скота, и людей[25].

Впервые встречены и две композиции. Одна из них (кур-харс из склепа № 1 с. Пялинг) передает мотив «древа жизни» со стоящими вокруг него животными (рис. 8). На другой (склеп № 9 у с. Оздик), как представляется, схематически изображен контур женской фигуры с растениями по бокам и, возможно, пиктограммами, обозначающими поля (рис. 9). Сюжеты эти встречаются повсеместно. В древностях Чечено-Ингушетии они фиксируются по крайней мере с эпохи раннего железа[26].

По свидетельствам очевидцев, кур-харсы носили все ингушские замужние женщины. Но так ли это на самом деле?

Л. П. Семенов, анализируя материалы из наземных склепов, заметил, что кур-харс — головной убор «особого рода»[27]. Е. И. Крупнов, возражая против высказанного ему мнения чеченского краеведа и писателя Х. Д. Ошаева, подчеркнул, что кур-харсы могли позволить себе носить не «все ингушские женщины», так как «богатая их отделка была доступна только богатым...»[28]. И. Ю. Алироев, опираясь на записи уст-

---

[22] *Гриценко Н. П.* Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1965, с. 6.

[23] *Заседателева Л. Б.* Терские казаки. М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 178—189; *Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.* Навеки вместе (О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980, с. 25.

[24] *Ахмадов Б. А., Алатаев Х. В., Дударев С. Л.* Память древней земли.— В кн.: Вехи единства. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982, с. 69—70.

[25] *Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И.* Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. ун-та, 1981, с. 38—39.

[26] *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972, с. 203—212.

[27] *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы..., с. 212.

[28] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 94.

ного предания, также считает кур-харсы частью костюма «более состоятельных женщин-ингушек» [29].

Авторы статьи склонны присоединиться к высказанным мнениям, ввиду того что кур-харсы встречаются только при расчистках отдельных, так называемых башнеобразных склепов, которые принадлежали самым богатым ингушским фамилиям [30]. Известны многочисленные вместительные коллективные ингушские усыпальницы, в инвентаре которых кур-харсы вообще отсутствуют. Будущие археологические исследования со строгой фиксацией материалов, картографированием их и статистической проработкой могут показать, что ношение кур-харсов было прерогативой не только всех женщин из так называемых сильных фамилий, но и наиболее почетных представительниц рядовых, может быть, даже бедных общинников.

Рис. 7. Кур-харс из с. Цори

Встречаются очень богато оформленные кур-харсы (дорогие привозные ткани, серебряные бляхи, золотное и серебряное шитье, дорогие украшения — осколки перламутра, янтарные бусы, веточки кораллов, раковины и пр.) и в то же время откровенно бедные, покрытые сукном и почти без «излишеств». В этом факте отражается социальная стратификация позднесредневекового ингушского общества. Не исключено и влияние конфессионального фактора: в условиях сосуществования христианства и «язычества» оформление кур-харсов могло быть различным у разных групп населения [31].

По свидетельству европейских путешественников XVII в. (А. Олеарий, Я. Стрейс, Э. Кемпфер), которые наблюдали горцев, поселившихся в Терском городе, «вдовы привешивают к затылку бычий пузырь, украшенный разноцветными платками или кусочками сукна, и издали кажется, что у них две головы») [32]. Вряд ли здесь имеются в виду кур-харсы. Слишком отличаются и форма, и «техника исполнения» этих странных головных уборов. Но тот факт, что вдовы кавказцев носили уборы особого вида, может пригодиться для дальнейших исследований. В горском фольклоре многократно звучит мотив о высоком общественном авторитете вдов [33].

На размышления наводит и название специфически ингушского головного убора — *кур-харс*. Ю. Клапрот описывает его, как уже говорилось, под названием *чугул*, но перевода термина не дает. Л. П. Семенов заметил, что «по-ингушски „чугуле" означает „хохол", „петушиный гребень"» [34]. Совершенно прав И. Ю. Алироев, уточняя: сам «колпак назывался кур-харс, а часть колпака — рожок — „чугул"» [35]. Он же впервые попытался установить этимологию названия *кур-харс*: 1) Кур —

---

[29] *Алироев И. Ю.* Указ. раб., с. 80.

[30] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия, с. 165.

[31] Ср. *Чахкиев Д. Ю.* О социальном и конфессиональном статуте владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«голгофами».— В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. с. 52—57.

[32] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв./ /Ред., пер., вступ. ст. и коммент. Гарданова В. К. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 84, 101, 117.

[33] *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972, с. 137—239.

[34] *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы..., с. 211.

[35] *Алироев И. Ю.* Указ. раб., с. 79.

Рис. 8. Парадный женский головной убор из с. Пялинг

рога оленя, кочкаря; 2) чуб, локон, хохол, вихор. «Семантика же второго компонента, — пишет он, — неясна. По нашему мнению, слово *кур-харс* вошло в научную литературу в искаженной фонетической транскрипции. В с. Армхи мы встретили старушку, которая по нашему устному описанию этого головного убора вспомнила название его — *кур-хьарс/аш*»[36]. Стоит сказать, что 102-летний житель г. Грозного Б. Шадиев и 96-летний уроженец горного ингушского селения Лежги (Назрановский р-н Чечено-Ингушской АССР) убеждали авторов, что существует еще один вариант термина — *кур-хорс*. Возможно, принятое в литературе написание отражает термин в несколько искаженном виде.

И. Ю. Алироев сопоставляет второй компонент названия (отправляясь от варианта *хьарс*) с древним глаголом *хьарсы* — «посыпать чем-либо, прикрывать чем-либо». Отсюда *кур-харс*, по его мнению, означает «прическу покрывающий или накидка на голову, локоны, женскую прическу». Хотелось бы напомнить, что, в частности, словом *хьаьрса—хьарца* в чеченском и ингушском языках обозначаются веснушки. Конечно, и веснушки «обсыпают», покрывают лицо. Но можно ли исключить, что этот близкий по звучанию термин каким-то образом связан с особенностями, подобными тем, что определили его русский эквивалент («веснушки» — от слова *весна*; они появляются вместе с весенним солнцем)?

Известно, что «языческий» пантеон вайнахов насчитывал более 30 имен богов, олицетворявших, в частности, и явления неживой природы[37]. Высоко почиталось вайнахами и Солнце, что отразилось даже в вайнахской этнической номенклатуре: горные общества Мьалхи (Малхи), Мьалхиста (Малхиста)[38]. Но тут важно «бытовое» название Солнца, а имя солнечного бога как такового до нас вроде бы не дошло. Мнение М. Р. Ужахова, что его называли *Тхьа*, едва ли правомерно[39], так как специалисты по вайнахскому языкознанию (И. Ю. Алироев, К. З. Чокаев) дают этому термину иную интерпретацию, связывая его с общим культом неба. И тут на память приходит название бога Солнца в языческом пантеоне древних славян — *Хорс*[40]. Параллель была бы слишком надуманной (хотя отмеченные выше связи с кичкой не дают права не считаться с ней как таковой), если бы в историко-лингвистической науке не существовала достаточно аргументированная гипотеза о прямой связи этого имени с древнеиранскими языками скифов, сарматов и алан, откуда и предполагается заимствование его, как и самого культа древних славян[41]. Длительные же тесные контакты предков вайнахов с ираноязычными обитателями южно-русских степей и Предкавказья (дольше всего — с аланами) — неоспоримый факт[42].

---

[36] Там же.

[37] *Виноградов В. Б., Межидов Д. Д., Успаев Г. И.* Указ. раб., с. 37—39.

[38] *Виноградов В. Б., Чокаев К. З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен.— В кн: Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1966, с. 42—88.

[39] *Ужахов М. Р.* Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. ун-та, 1979, с. 23—24.

[40] *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Наука, 1976, с. 207.

[41] *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965, с. 115.

[42] *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.

Рис. 9. Фрагмент кур-харса из с. Оздик

Правда, Б. А. Рыбаков считает, что славяно-древнеиранские контакты в случае с Хорсом ни при чем: *Хорс* («круглый») — божество Солнца, светило в «Слове о полку Игореве» названо *Великий Хорс*. По всей вероятности, это очень древнее божество, «представления о котором предшествовали идее светоносного небесного бога вроде Аполлона... Имя Хорса сохранилось в ритуальной лексике XIX в. („хоровод", „хорошуль", „хоро")»[43]. Однако в статье А. П. Новосельцева славянский Хорс (вопреки высказанному Б. А. Рыбаковым мнению) вновь оценивается как «божество, заимствованное у иранцев южных степей в период продвижения славян на восток, когда иранцы сливались с ними». В статье приводятся новые и веские подтверждения тому, что «древнерусский Хорс, заимствованный у иранцев Восточной Европы, по-видимому, все-таки бог Солнца»[44].

Между тем известно, что «заимствование народами друг у друга языческих богов и их культов было обычным делом. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что с исконно вайнахскими культами Солнца могли слиться и культы других народов»[45]. Представляется, что на определенном этапе вайнахо-древнеиранских связей (скорее всего на рубеже раннего и позднего средневековья) предки ингушей, а может быть, и вайнахов в целом могли так же, как и славяне, заимствовать иранское *хвар* (солнце, огонь) для обозначения культа Солнца. Со временем это заимствование забылось, но могло сохраниться в названии парадного женского убора. Ведь кур-харсы покрывались яркими тканями «солнечных расцветок». Металлические бляхи на них, имеющие, как правило, круглую форму, правомерно считать символами солнца. Растительная и другая известная нам символика в декоре кур-харсов так или иначе связана с почитанием Солнца — главного дарителя жизни. Да и сходство головных уборов с рогами, по-видимому, не случайно: рогатые травоядные у древних иранцев были популярными ипостасями выражения идеи «солнечной благодати»[46].

Широкое распространение термина именно среди горных ингушей должно находить реальное объяснение в исключительно тесных, длительных и разнообразных (в том числе даже этнических) алано-ингушских связях в округе Дарьяльского ущелья, что устанавливается на базе самых разнообразных источников[47].

---

[43] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, с. 432—434.

[44] *Новосельцев А. П.* Киевская Русь и страны Востока.— Вопр. истории, 1983, № 5, с. 27.

[45] *Ужахов М. Р.* Указ. раб., с. 16.

[46] *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский «фарн». Душанбе, 1966.

[47] *Волкова Н. Г.* Этнический состав.., с. 143—162; *Виноградов В. Б.* Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии.— Сов. этнография, 1979, № 2, с. 30—39.

По предположению авторов, первоначально термин *кур-харс*, отражающий вайнахо-аланские исторические контакты, мог означать «гребень (или рог) Солнца».

Многое могли бы дать точная датировка отдельных образцов кур-харсов и хронология в целом бытования этого оригинального типа головного убора. Но возможности археологов и этнографов пока ограниченны: методика расчистки коллективных усыпальниц с огромным количеством погребенных (до 250) на протяжении длительного отрезка времени и фиксации в них находок еще далеки от совершенства.

Это заставляет ограничиться утверждением, что кур-харсы активно бытовали в пору расцвета склеповой и башенной архитектуры, т. е. в XV—XVIII вв. Лишь дальнейшие исследования могут пролить новый, дополнительный свет на историю кур-харсов — «солнечных гребней» — интересного и загадочного элемента средневековой вайнахской культуры — наиболее влиятельных представительниц ингушских женщин.